

Марфа-Посадница, или Покорение Новагорода — эпизод 10 из 19

Музыканты чужеземные шли вдали, играя на своих гармонических орудиях. Граждане забыли опасность и войну, веселие сияло на лицах, и всякий отец, смотря на величественного юношу, гордился им, как сыном своим, и всякая мать, видя Ксению, хвалилась ею, как милою своею дочерью. Марфа веселилась усердием народным: облако всегдашней задумчивости исчезло в глазах ее; она взирала на всех с улыбкою приветливой благодарности. С самой кончины Исаака Борецкого дом его представлял уныние и пустоту горести: теперь он снова украшается коврами драгоценными и богатыми тканями немецкими; везде зажигаются светильники серебряные, и верные слуги Борецких радостными толпами встречают новобрачных. Марфа садится за стол с детьми своими; ласкает их, целует Ксению и всю душу свою изливает в искренних разговорах. Никогда милая дочь ее не казалась ей столь любезною. Ксения! говорит она. Нежное, кроткое сердце твое узнает теперь новое счастье, любовь супружескую, которой все другие чувства уступают. В ней жена малодушная, осужденная роком на одни жалобы и слезы в бедствиях, находит твердость и решительность, которой могут завидовать герои!.. О дети любезные! Теперь открою вам тайну моего сердца!.. Она дала знак рукою, и многочисленные слуги удалились. Было время, и вы помните его, продолжала Марфа, когда мать ваша жила единственно для супруга и семейства в тишине дома своего, боялась шума народного и только в храмы священные ходила по стогнам, не знала ни вольности, ни рабства, не знала, повинуюсь сладкому закону любви, что есть другие законы в свете, от которых зависит счастье и бедствие людей. О время блаженное! Твои милые воспоминания извлекают еще нежные слезы из глаз моих!.. Кто ныне узнает мать вашу? Некогда робкая, боязливая, уединенная, с смелою твердостью председатель теперь в Совете старейшин, является на лобном месте среди народа многочисленного, велит умолкнуть тысячам, говорит на Вече, волнует народ, как море, требует войны и кровопролития та, которую прежде одно имя их ужасало!.. Что ж действует в душе моей? Что пременило ее столь чудесно? Какая сила дает мне власть над умами сограждан? Любовь!.. Одна любовь... к отцу вашему, сему герою добродетели, который жил и дышал отечеством!.. Готовый выступить в поле против литовцев, он казался задумчивым, беспокойным; наконец открыл мне душу свою и сказал: Я могу положить голову в сей войне кровопролитной; дети наши еще младенцы; с моей смертью умолкнет голос Борецких на Вече, где он издревле славил вольность и

воспалял любовь к отечеству. Народ слаб и легкомыслен: ему нужна помощь великой души в важных и решительных случаях. Я предвижу опасности, и всех опаснее для нас князь московский, который тайно желает покорить Новгород. О друг моего сердца! Успокой его! Летописи древние сохранили имена некоторых великих жен славянских: клянись мне превзойти их! Клянись заменить Исаака Борецкого в народных советах, когда его не будет на свете! Клянись быть вечным врагом неприятелей свободы новгородской, клянись умереть защитницею прав ее! И тогда умру спокойно... Я дала клятву... Он погиб вместе с моим счастьем... Не знаю, катились ли из глаз моих слезы на гроб его: я не о слезах думала, но, обожав супруга, пылала ревностью воскресить в себе душу его. Мудрые предания древности, языки чужеземные, летописи народов вольных, опыты веков просветили мой разум. Я говорила и старцы с удивлением внимали словам моим, народ добродушный, осыпанный моими благодеяниями, любит и славит меня, чиновники имеют ко мне доверенность, ибо думаю только о славе Новаграда; враги и завистники... Но я презираю их. Все видят дола мои, но вы одни знаете теперь их тайный источник. О Ксения! Я могу служить тебе примером, но ты, юноша, избранный сын моего сердца, желай только сравняться с отцом ее. Он любил супругу и детей своих, но с радостью предал бы нас в жертву отечеству. Гордость, славолубие, героическая добродетель есть свойство великого мужа: жена слабая бывает сильна одною любовью, но, чувствуя в сердце ее небесное вдохновение, она может превзойти великодушием самых великих мужей и сказать року: Не страшусь тебя! Так Ольга любовью к памяти Игоря заслужила бессмертие; так Марфа будет удивлением потомства, если злословие не омрачит дел ее в летописях!..

Она благословила детей и заключилась в уединенном своем тереме, но сон не смыкал глаз ее. В самую глубокую полночь Марфа слышит тихий стук у двери, отворяет ее и входит человек сурового вида, в одежде нерусской, с длинным мечом литовским, с златою на груди звездой; едва наклоняет свою голову, объявляет себя тайным послом Казимира и представляет Марфе письмо его. Она с гордою скромностию отвечает: Жена новгородская не знает Казимира; я не возьму грамоты. Хитрый поляк хвалит героиню великого града, известную в самых отдаленных странах, уважаемую царями и народами. Он уподобляет ее великой дочери Краковой и называет новгородскою Вандою...⁷ Марфа внимает ему с равнодушием. Поляк описывает ей величие своего государя, счастье союзников и бедствие врагов его... Она с гордостью садится. Казимир великодушно предлагает Новугороду свое заступление, говорит он, требуйте, и легионы польские окружают вас своими щитами!.. Марфа задумалась... Когда же спасем вас, тогда... Посадница быстро взглянула на него... Тогда благодарные новгородцы

должны признать в Казимире своего благотворителя и властелина, который, без сомнения, не употребит во зло их доверенности... Умолкни! грозно восклицает Марфа. Изумленный пылким ее гневом, посол безмолвствует, но, устыдясь робости своей, возвышает голос и хочет доказать необходимую гибель Новагорода, если Казимир не защитит его от князя московского... Лучше погибнуть от руки Иоанновой, нежели спастись от вашей! с жаром отвечает Марфа. Когда вы не были лютыми врагами народа русского? Когда мир надеялся на слово польское?